

*Александр
Тамоников*

**ПУЛЯ
ДЛЯ КАРАТЕЛЯ**

*Москва
2018*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Пуля для карателя / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (СМЕРШ — спец-
наз Сталина).

ISBN 978-5-04-098672-9

Лето 1944 года. Варшавское восстание тонет в крови. Головорезы СС и их приспешники беспощадно расправляются с бойцами народной армии и мирным населением. Посланная спасти руководителей подполья группа советских разведчиков погибает при невыясненных обстоятельствах. Майор СМЕРШ Иван Таврин расследует это происшествие и приходит к неожиданному заключению: группу уничтожил... ее руководитель, не вернувшийся из рейда. Теперь дело чести майора — не только выполнить задание погибших разведчиков, но и разыскать предателя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098672-9

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Немцы в атаку валили толпой — возбужденные, нервные, с мучнистыми от страха лицами. Это было что-то новенькое, явно перенятое у советских солдат образца лета 41-го. Отчаявшиеся, потерявшие последние моральные ориентиры в этой безумной мясорубке. Они бежали плотно, стреляли из автоматов МР-40 и карабинов «Маузер» — все в одном флаконе: офицеры, рядовые, низовой командный состав. «Мышиная» униформа фельдграу солдат вермахта, петлицы артиллеристов, инженерно-саперных частей, руны «зиг» военнослужащих Ваффен-отрядов СС, петлицы с перекрещенными карабинами — отличительный знак коллаборационистов. Красноармейцы, прильнувшие к прицелам, недоуменно переглядывались. Не тот пошел немец — упростился, измельчал. Раньше берегли себя, в атаки ходили поодиночке, перебежками, прятались за танками и бронетранспортерами — а перед этим перепархивали советские позиции с помощью орудий и минометов...

Сегодня не было артиллерийской подготовки. Человек шестьсот вырвались из леса и устремились на прорыв. Вечер 2 сентября 1944 года, северо-восточные предместья Варшавы — правобережная часть. Слева — дома с облезлыми черепичными крышами, справа овраги, молодые дубравы. Все смешалось на городских окраинах. Красная армия вошла на отдельные улицы, но далеко не продвинулась. Немцы ожесточенно контратаковали, вводили в бой последние резервы. Мобильные танковые группы отсекали оторвавшихся от основных сил красноармейцев, сносили дома, где они занимали оборону. Сил для наступления уже не оставалось, войска переходили к обороне. Линия фронта на правом берегу Вислы менялась каждый день. Часть варшавского района Прага отбили у немцев — впрочем, незначительную, на основных улицах немцы закрепились и никуда не собирались уходить. Несколько потрепанных подразделений оказались заперты вблизи восточных предместий, у местечка Звановичи, и предприняли отчаянную попытку вырваться. До позиций немцев на западе — рукой подать, но там иссякли силы. А у советского командования не было ресурсов, чтобы сжать кольцо и добить окруженцев. Атака была внезапной, дерзкой. Складки местности и густая растительность позволили немцам приблизиться незаметно. И теперь они спешили преодолеть

открытый участок. Но рота красноармейцев, усиленная взводом станковых пулеметов, не дремала. Разведка доложила о вероятных происках противника. И все же немцы удивили. Солдаты бежали, как на стометровом кроссе. Кто-то спотыкался, другие перепрыгивали через упавших, заполняли образовавшиеся пустоты. Вырвались вперед несколько человек, бросили гранаты. Взрывы прогремели перед бруствером, повалили бревна наката, не причинив существенного вреда.

— Не стрелять! — кричал командир роты капитан Милютин. — Не стрелять, кому сказано! Пусть поближе подойдут!

У многих не выдерживали нервы, открывали огонь. Разрозненно хлопали карабины. Но пулеметы на флангах пока помалкивали. Катилась, гремя и сквернословя, человеческая масса. Все, иссякло терпение, завелся трелью станковый пулемет. Вступили остальные элементы «оркестра» — затрещали карабины и автоматы ППШ. Ливень свинца смел первую волну, разбросал по трещинам и бугоркам. Словно подавился полноватый гауптман, машущий «Вальтером», — побагровел, когда потекло из живота, хлопнулся лицом в траву. Живые по инерции продолжали бег, перепрыгивали через мертвых. До траншеи, растянувшейся по возвышению, оставалось метров тридцать. Окопы рыли впопыхах — никто

не собирался сидеть здесь годами. Позиция удобная, с высоты открывался вид на окрестности. Подножие высоты усеяли тела в «мышьиной» форме. «Навалили кучу дерьма!» — злобно смеялись из окопов красноармейцы. Самые упорные продолжали рваться, а те, что не спешили умирать, залегали за трупами, вели огонь из укрытий. Раскалились кожуха пулеметов, кашляла боевая техника, глохла. Солдаты выбрасывали гранаты из окопов. Немцы лезли, не считаясь с потерями. Из десятка до окопов добегали двое. И те, и другие швыряли гранаты, позиции заволокло густым дымом. Бойцы капитана Милютин тоже несли потери. Захлебывались пулеметы на флангах. Справа в траншее уже давились в рукопашной, били кулаками, прикладами, саперными лопатками. Мелькали закопченные оскаленные лица. На помощь дрогнувшей пехоте Милютин ввел резерв — последнее отделение автоматчиков с ППШ. Они подтягивались с обратной стороны траншеи, резали свинцом тех, кто выбегал за «флажки». Бойцы воспрянули, стали теснить фашистов из окопов. Противник выдохся, у него кончались боеприпасы и моральный дух.

— За мной, сибиряки! — взревел капитан Милютин, уроженец далекой забайкальской деревни. — Добьем гада!

Бойцы выбирались из окопов, мчались вниз, крича что-то, отдаленно смахивающее на «Ура!».

Немцы многих потеряли, но все равно их было больше. Впрочем, численное превосходство уже не играло роли. Деморализованные, исчерпавшие все возможности, они недолго оказывали сопротивление. Пустились наутек, спотыкаясь о трупы своих сослуживцев. «Смотри, мужики, как чешут! — смеялись им в спины красноармейцы. — Мы так быстро бегать не умеем!» Побитое войско терялось в складках местности, растворялось в лесу. Остались мертвые и раненые, многих из которых бойцы непринужденно добивали — не те условия, чтобы коллекционировать пленных. Сами потеряли многих — и это ожесточало. Солдаты возвращались в окопы, показывая кулаки притихшему лесу, волокли раненых. Стонал подстреленный в бок капитан Милютин, покрывался смертельной бледностью. Солдаты рвали на нем гимнастерку, прикладывали к ране скомканные бинты. Санинструктор роты погиб. Покрикивали выжившие командиры взводов, крыли матом провинившихся пулеметчиков. Поредевшая рота снова занимала оборону.

Из батальона прибыли две девушки-санитарки, подъехала полуторка с красным крестом. Раненых стаскивали к дороге. Многие по прибытии уже не шевелились — скончались от потери крови. Монотонно матерился какой-то боец, умолял «брата Петруху» открыть глаза. Почему

именно сегодня? Вроде и денек отменный, и по Европе шагаем, а не где-нибудь по Смоленщине с Брянщиной... Шустрые девчонки на скорую руку перевязывали раненых, передавали их солдатам, те грузили пострадавших в машину. Капитану Милютину оказали первую помощь, но тщетно, офицер затих после недолгой агонии, и горько расплакалась девчушка с лычками ефрейтора — возможно, у них что-то было...

От второй попытки немцы отказались. Сдаваться тоже не спешили, видимо, надеялись, что 19-я танковая дивизия в недалеком будущем осуществит контрудар «возмездия» и с триумфом вызовет из «котла». Но упомянутая дивизия завязла в позиционных боях. Трупы гитлеровцев после боя никто не считал — их было не меньше сотни. Рота автоматчиков потеряла полтора десятка убитыми и столько же ранеными. Потери тоже чувствительные, учитывая хронический недокомплект. Поскрипывали телеги, фыркали лошади — на подводах подтянулась похоронная команда, «погребальщики», как их называли в войсках. Работа у этой публики никогда не переводилась. В отличие от первых лет войны, науку освоили — обходились почти без задержек и извечного российского бардака. Впрочем, все зависело от числа потерь и наличия специальных команд. Неразговорчивые, с мрачными лицами, одетые в передники и резиновые перчатки, они

перелезали с носилками через живых и брели к трупам. Автоматчики молча наблюдали, нервно выпускали дым махорки. «Погребальщики» извлекали из карманов убитых солдатские книжки, фотографии, письма с родины, черные пластмассовые медальоны (так называемые «смертники») с информацией о погибших. Снимали с людей часы, медали, нательные крестики, набивали этим добром вещмешки. Мародерство практически изжили (расстрелы — неплохое воспитательное средство), личные вещи погибших относили старшему команды. Убитых по двое укладывали на плащ-палатки и забрасывали на подводы. По мере заполнения подводы увозили трупы — к местам захоронения, определенным командованием. Потом вышла заминка — «погребальщики» роптали, в их планы не входило избавляться от немецких трупов. «И куда вы столько настреляли, мужики? — бурчали они. — Нам же неделю таскать не перетаскать, а мы на это подписывались?» Солдаты из окопов огрызались, крыли матом похоронную команду. В боях не участвуют, еще и недовольны. Проблема решилась просто — с помощью рации в блиндаже погибшего Милютин. Под грохот отдаленной канонады прибыли два трофейных трехтонных «Мерседеса», и шумливые красноармейцы стали стряхивать с них пленных солдат подразделения Ваффен-СС. Подобную публику обычно в плен

не брали, но в этот раз что-то пошло не так — взяли. Возможно, за неимением других кандидатур. Оборванные, избитые, с запекшейся кровью на лицах, они с глухой ненавистью поглядывали на своих противников. От бывшего лоска не осталось и следа. Мундиры висели мешками, многие шлепали босиком. Под зычные крики пленные эсэсовцы стаскивали к придорожной канаве тела соотечественников, полностью заполняли ее, потом забрасывали землей...

— Толку от таких захоронений... — ворчал младший лейтенант, командир взвода, еще не свыкшийся с мыслью, что остался жив (на подобных должностях больше двух боев не живут, а у него уже третий). — Чуть присыпят — и все. Потом стервятники слетятся, разворошат это добро, такая зараза пойдет...

— А это, товарищ Максимов, пусть у польских товарищей голова болит, — ухмылялся замполит Стадников. — Наше дело маленькое — накосить побольше. А потом уж пусть перезахоранивают, сжигают, если есть нужда...

— Зато оперативно стали работать... — пробормотал младший лейтенант, наблюдая, как мужики в окровавленных передниках перетаскивают через траншею последнюю плащ-палатку с мертвым баянистом Рылеевым. — Помните, товарищ старший лейтенант, что под Магнушевым творилось? Неделю тела не увозили — и на-

ших там лежало вдоволь, и фрицев. Местность простреливалась с двух сторон — дурных нема, как говорится. Потом немцев вытеснили, наши пришли. Мама дорогая!.. Жара страшная — мертвецы безглазые, птицы все лица склевали, повсюду мухи, запах такой, что самому сдохнуть хочется... Наши ворон прогнали, так они расселись на ветках и смотрели, как их пищу собирают. Капитана перевернуть хотели, так у него нога отвалилась...

— Да тьфу на тебя! — рассердился замполит. — Поговорить больше не о чем, Максимов?

— Простите, товарищ старший лейтенант, — сконфузился взводный. — Накатывает иногда, представляешь, что и тебя вот так — волоком, да в подводу...

Наступали сумерки. Через час поле боя очистили, дышать стало легче. Остались бурые пятна — в траве, на листьях кустарника. На западе снова гроыхало. На низкой высоте прошло звено советских бомбардировщиков, и через пару минут посыпались гулкие разрывы. Советскую авиацию встречала глубоко эшелонированная система ПВО, в Варшаве и ее окрестностях сконцентрировалось более полутора сотен зенитных орудий. Солдаты наострили уши, слушали...

Ситуация вокруг польской столицы для обеих сторон складывалась патовая. В окрестностях

города, разделенного Вислой на две неравные части, скопилось громадное количество живой силы и техники. Левобережный центр пылал — немцы еще не подавили восстание, поднятое Армией Крайовой, уничтожали разрозненные очаги, попутно взрывая дома и ликвидируя мирное население. Все это безумие продолжалось больше месяца. Для советских войск ситуация со сложной скатывалась в критическую. 27 июля наступающие советские войска натолкнулись на оборонительный рубеж 2-й немецкой армии по линии Седльце — Бяла-Подляска. Бои протекали с переменным успехом, оборона держалась. Немецкое командование стянуло к Варшаве пять танковых дивизий, включая дивизии СС, — и нанесли контрудар, заставив 1 августа Красную армию перейти к обороне. 2-я гвардейская танковая армия подвергалась непрерывным атакам. Она уже подходила к варшавской Праге — восточному району города, — но из-за этих непрекращающихся атак была вынуждена отойти. Попытка взять с ходу правобережную часть провалилась. Дивизия «Герман Геринг» и 19-я танковая дивизия атаковали из района Праги. С севера наступала 4-я танковая дивизия, на востоке били в тыл дивизии «Викинг» и «Мертвая голова». И все же на отдельных участках фронта продолжалось наступление. 47-я армия 1-го Белорусского фронта весь август вела

бои и кое-где пробилась к Висле. Практической пользы от этого не было, расширить плацдармы не удалось. В районе Прага армия нарвалась на укрепленные позиции и несколько раз пыталась их прорвать — после чего остановилась. Немцы собрали на правом берегу больше тридцати тысяч солдат, еще не растерявших боевой дух. Ими командовал прожженный спец — генерал танковых войск Дитрих фон Заукен. Советские войска несли потери, подкрепления не было, отстали обозы с боеприпасами, продовольствием, ГСМ. Наступление заглохло. Но и у немцев не осталось сил, чтобы оттеснить советские войска от польской столицы. Передовая представляла странное зрелище. Случалось, что соседние улицы были заняты враждующими сторонами, при этом и те, и другие оказывались друг у друга в тылу. Красная армия перенесла активность на юг от Варшавы — билась за плацдармы у Пулавы и Варки. Еще в конце июля войска 1-го Украинского фронта форсировали Вислу в районе Сандомира — почти в 200 километрах к юго-востоку от Варшавы. Такую же переправу осуществили у Пулав, захватив тактические плацдармы. Воодушевленная успехами Красной армии, Вислу пыталась форсировать 1-я Польская армия, но потерпела неудачу. 1 августа через реку в районе Магнушева переправились передовые отряды гвардейской армии Чуйкова — и там закрепи-